

Чу Юнько терзали противоречивые чувства. Ин Чжао и её спутники были для него лишь случайными попутчиками, с которыми он едва успел познакомиться, однако они так отчаянно сражались за него и Цзян Цзинъюэ. Если им удастся пережить эту ночь, он непременно отблагодарит их сполна!

Ин Чжао не знала, о чём думает Чу Юнько, а если бы узнала, то лишь насмешливо хмыкнула бы. Разве она старалась ради него? Нет, она спасала Линху Сян!

У Чу Юнько и Цзян Цзинъюэ была судьба главных героев: они не погибли на Постоялом дворе в Великой пустыне, позже их кто-то спас, и в конце концов они зажили жизнью, которой могли бы позавидовать сами небожители. А вот Линху Сян, будучи второстепенным персонажем, навсегда осталась в песках.

Такая колючая красная роза не должна была увянуть здесь, ей следовало бы цвести в каждом уголке династии Да-Мэн.

Ярко-алые капли крови медленно стекали с пояса Чу Юнько. Жун Янь ранил его мечом — если бы он не увернулся в последний момент, клинок пронзил бы ему грудь!

Впрочем, дела у самого Жун Яня шли не лучше. Из двенадцати человек отряда Дун-чана на ногах остались лишь шестеро, остальные шестеро безжизненно лежали на серо-черных каменных плитах.

Тяжелый запах крови пропитал небольшое помещение постоянного двора, а обломки столов и стульев превратились в щепки. Жун Янь одной рукой прижимал кровавую дыру на плече, а другой — свирепо сверлил взглядом Чу Юнько и его спутников.

Он не ожидал, что поимка двух мелких мышат обернется такими потерями, да к тому же он и сам получил ранение!

А этот проклятый карлик? Неизвестно, какими боевыми искусствами он владел, но был до того проворен, что, пользуясь своим малым ростом, прятался в толпе и наносил удары исподтишка. Половину своих ран Жун Янь получил именно от него!

Кто бы мог подумать, что в такой развалюхе скрываются столь опасные люди? Он явно недооценил противника.

Кровь, брызнувшая на лоб Жун Яня, стекала прямо через глаза, из-за чего его и без того болезненно-изящное лицо стало походить на лик демона, выбравшегося из ада, чтобы забрать чью-то душу.

Жун Янь обвел взглядом присутствующих, лишь на мгновение задержавшись на Ин Чжао, но этого никто не заметил. Он высунул язык, слизнул красную жидкость с кончиков пальцев и,

растянув губы в оскале, произнес:

— Чу Юнько, тебе и правда везет. Даже на краю гибели нашлись те, кто бросился тебе на помощь. Но неужели ты думаешь, что, покинув заставу, сумеешь ускользнуть из лап Тысячелетнего Цао? Забыл сказать: все девять человек из твоего клана Чу уже томятся в темнице и ждут тебя.

Он сделал паузу и добавил:

— О, кстати, твоя двухлетняя племянница... такая милая, словно выточена из нефрита. Жаль, что ей придется расстаться с жизнью в столь юном возрасте.

Услышав эти слова, Чу Юнько побледнел. Его крепкое тело словно в одночасье лишилось всех сил, он обмяк и, если бы не подоспевшая Цзян Цзиньюэ, рухнул бы на пол.

Чу Юнько и представить не мог, что этот негодяй Цао станет угрожать ему его же сородичами. Ведь похищение Меча Лунцюань было его личным делом, клан Чу тут ни при чем!

Чу Юнько сжал кулаки и, стиснув зубы, прорычал:

— Подлец! Отпусти мою семью!

Видя, в какой ужас пришел Чу Юнько, Жун Янь хотел рассмеяться, но лишь закашлялся кровью от внутренних ран. Небрежно вытерев губы, он холодно бросил:

— Просто покорно иди с нами, и твои родные останутся в живых.

Чу Юнько терзали сомнения. Виновата его собственная импульсивность — он выдал себя, и эти цепные псы евнуха нашли брешь в его защите! Хоть его отношения с кланом Чу были прохладными и он давно странствовал в одиночку, он не мог допустить, чтобы из-за него пострадали другие.

Он посмотрел на Цзян Цзиньюэ, затем на Линху Сян и Ин Чжао, оценивая состояние каждого. Сейчас, кроме Ин Чжао, на всех остальных были заметны следы крови. Даже если людей Жун Яня стало вдвое меньше, Чу Юнько не знал, сколько еще людей погибнет, если он продолжит сопротивляться.

Чу Юнько закрыл глаза, в голове проносились тысячи мыслей. Открыв их снова, он твердо произнес:

— Хорошо, я согласен идти с вами. Не трогайте хозяйку и остальных, и отпустите мою семью!

Услышав, что Чу Юнько сдался, Жун Янь победно улыбнулся. Его лицо в этот момент напоминало цветок, распустившийся на берегу реки забвения, — правда, полюбоваться им было некому.

Линху Сян, Цзян Цзинъюэ и остальные, услышав, что Чу Юнько решил сдаться добровольно, нахмурились, но не нашли иного выхода.

В конце концов, пока семья Чу находилась в руках врага, Чу Юнько был связан по рукам и ногам. Однако Линху Сян не верила, что коварный Цао отпустит их, даже если Чу Юнько сдастся и отдаст Меч Лунцюань.

Сорняки нужно вырывать с корнем — это знала даже она, хозяйка постоянного двора, неужели старый прожженный евнух Цао этого не понимал? Это было лишь приманкой для наивного юнца Чу Юнько, полного жажды справедливости и веры в человечность.

Даже Цзян Цзинъюэ понимала, что это плохая идея, но обстоятельства оказались сильнее их.

Ин Чжао же с безмятежным видом наблюдала за происходящим, словно посторонний зритель. В любом случае, по исходному сценарию Чу Юнько должен был уйти с Жун Янем, по пути его спас бы некий мастер, а семью Чу вызволили бы из темницы рыцари-странники, так что ей не о чем было волноваться.

А вот несчастную Линху Сян и Дату ждала иная участь: после ухода Жун Яня он, движимый жадной мести, тайно прикажет сжечь постоянный двор, и тот превратится в пепел, развеянный ветром.

Глядя, как всё идет по его плану, Жун Янь усмехнулся про себя. Отпустить их? Это исключено. Всех, кто идет против Тысячелетнего Цао, ждет один конец — смерть!

Что же касается семьи Чу, они оказались под стать своему сородичу — крепкие орешки. Даже под пытками никто из них не выдал, где скрывается Чу Юнько! Что ж, тогда он отправит их всех на тот свет, чтобы воссоединились в аду.

Видя, что Чу Юнько покорно сдал Меч Лунцюань и позволил заковать себя в кандалы, Жун Янь остался доволен его покладистостью. Цзян Цзинъюэ, не слушая уговоров Чу Юнько, тоже потребовала идти с ним. Жун Янь лишь насмешливо хмыкнул, но позволил ей это — пусть будет добрым делом, позволит этой парочке быть вместе до конца.

Чтобы не провоцировать Чу Юнько, Жун Янь, как и обещал, не стал сразу нападать на Линху Сян и остальных, а махнул рукой, приказывая своим людям выступить.

За окном уже начало светать, ночная мгла отступила, и теперь можно было не бояться заблудиться в пустыне. Чу Юнько увидел, что Жун Янь действительно не тронул Линху Сян и

остальных, и камень упал с его души.

Хорошо, что он больше никого не втянет в это дело. Хотя он и был человеком чести, но не был глупцом: он прекрасно понимал, что идет прямо в ловушку, но иного выхода у него просто не было.

<http://bllate.org/book/21557/2218355>